

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ТОЛСТОМ

ВЫСКАЗЫВАНИЯ АЙ У, БА ЦЗИНЯ, БЯНЬ ЧЖИ-ЛИНЯ, ГАО ЧЖИ,
ЛАО ШЭ, ЛИ ЦЗИ-Е, ЛЮИ ИНА, ЦАЙ И И ЧЖАН БИ-ЛАЯ

Сообщение А. И. Шифмана

«Каково значение художественного опыта Толстого для современной китайской литературы?»

Оказывает ли на нее воздействие реализм автора „Войны и мира“?

Какие произведения Толстого наиболее известны в Китае? Как оценивают их китайские писатели? Чему они учатся у Толстого?»

С этими вопросами Государственный музей Толстого в Москве обратился в 1958 г., в связи со столетием со дня рождения Толстого, к группе писателей, литературоведов и переводчиков Китайской Народной Республики.

Ответить на эти вопросы было нелегко, если учесть специфические особенности и многовековые традиции китайской литературы. Становление китайского реализма, как известно, шло своими особыми, отличными от западных литератур, путями. И тем не менее китайские литераторы охотно откликнулись на анкету Музея. Некоторые из них прислали обширные статьи и даже целые исследования о влиянии Толстого на китайскую литературу. Не имея возможности опубликовать полностью эти материалы ввиду их большого объема, приводим здесь лишь отдельные высказывания китайских писателей*.

* * *

Выдающийся романист и драматург *Лао Шэ*, создатель серии романов «Четыре поколения одной семьи» и многочисленных пьес («Фан Чженьчжу», «Колодец у ив» и др.), автор превосходных повестей и рассказов, собранных в книгах «На ярмарку», «Вишневое море», «Устрицы» и других, так оценивает Л. Н. Толстого:

«Если Шекспир — величайшая из вершин драматургии, то Толстой — самое глубокое и самое необъятное море в океане художественной прозы. Да, из всех писателей-романистов мира прошлого и настоящего, пожалуй, только он один заслуживает этого образного сравнения. Его сердце вмещало целую эпоху, и в этом несравненное достоинство писателя. Слабость его заключалась в противоречиях сознания, однако это говорит лишь о том, что даже сознание такого человека, как Толстой, испытывало воздействие эпохи.

Его произведения уже пустили корни в Китае. Он оказал влияние на всех представителей новой литературы, появившейся после „движения

* Они даются в переводе И. К. Глаголевой.

4 мая“. Все хотят овладеть его ширью и глубиной, однако пока это еще никому не удается. Лично я больше всего люблю его „Анну Каренину“.

Молодые писатели любой страны должны учиться у него, учиться пропаганде правды в художественных произведениях».

Один из крупнейших прозаиков современного Китая, автор трилогии «Стремительное течение» и редактор китайского перевода романа «Анна Каренина» *Ба Цзинь* в своем ответе пишет:

«Я очень люблю прозу Толстого и собираю его сочинения на русском, китайском, английском, французском, немецком и японском языках. С большим интересом читаю я также биографические книги о Толстом. Строгое отношение Толстого к литературе и к жизни в свое время оказало на меня немалое влияние. Я впервые прочел „Войну и мир“, „Воскресение“ и некоторые повести Толстого, когда мне было девятнадцать лет. Теперь я вижу, что мое последующее развитие как писателя-романиста в известной мере связано с этим первым чтением Толстого. Тогда я увидел в его творчестве, прежде всего, путь к правде и, следуя ему, взялся за перо. До сих пор меня волнует сложная духовная жизнь многих героев Толстого. Когда я читаю его произведения, мне кажется, что я знаком с его героями, и, хотя они иностранцы и люди другой эпохи,— они, словно живые, стоят передо мной, говорят со мной на понятном мне языке...»

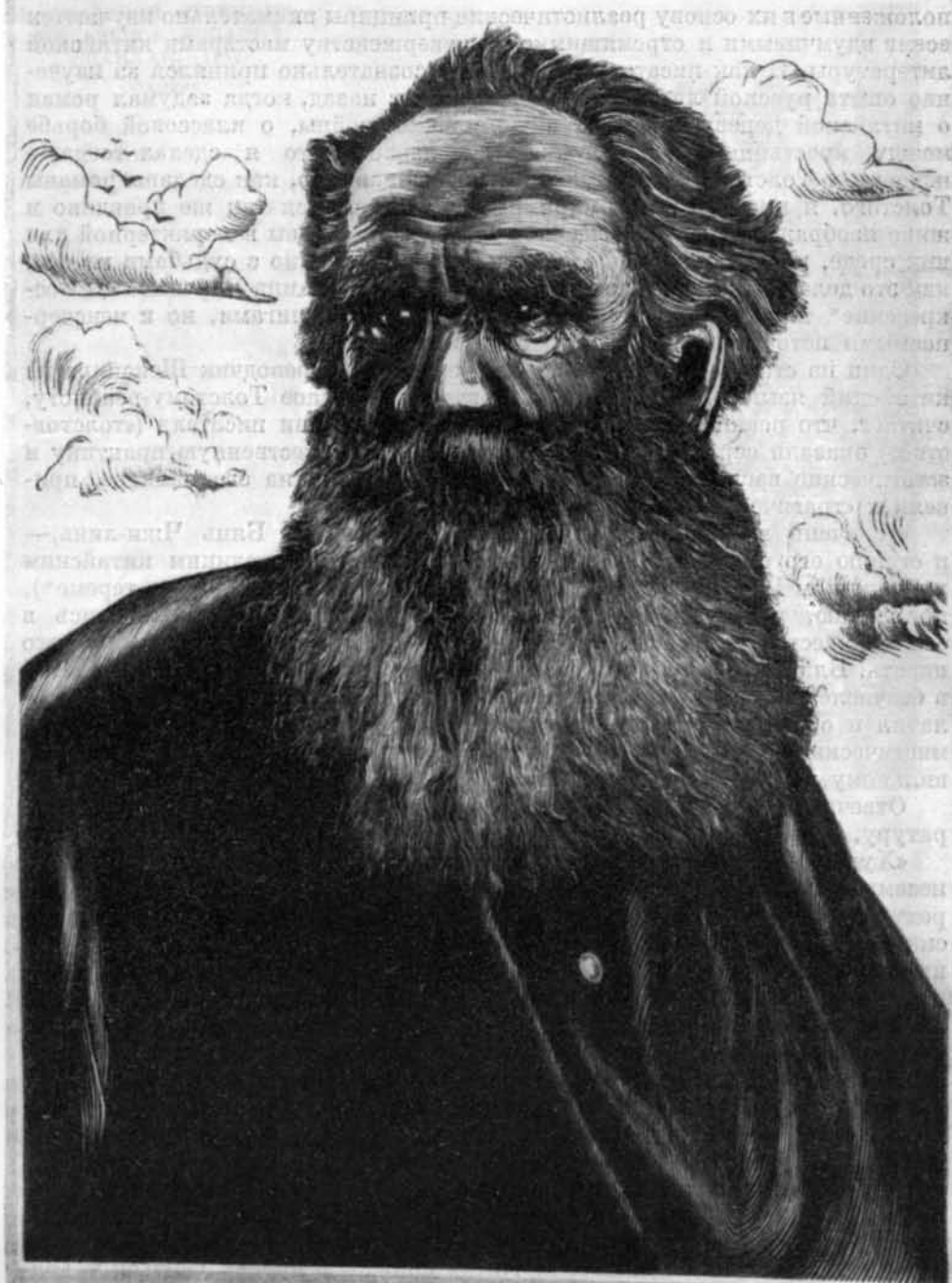
«Когда я пишу свои романы,— продолжает *Ба Цзинь*,— я стремлюсь установить соответствие между внешним обликом героя, его одеждой, манерами и его духовной жизнью. Если мне удалось чего-нибудь достичь в этой области, то здесь, несомненно, сказалось влияние творческого опыта Льва Толстого. Этому мы должны учиться у него. Что касается широты и глубины взгляда Толстого на жизнь, остроты его наблюдательности, его художественного дара, то рядовому писателю очень трудно овладеть этими качествами. Единственное, с чем я не могу согласиться в наследии Толстого,— это с его христианскими правоучениями, но они отнюдь не заслоняют для меня величия его художественных творений. Толстой — мой самый любимый и почитаемый писатель».

О своем преклонении перед художественным гением Толстого, о желании научиться у него мастерству говорит и другой китайский прозаик, *Ай У*, автор романов «Родные места», «В горах», «В огне рождается сталь» и многих рассказов и повестей.

«Произведения Толстого я постоянно держу под рукой; при первой возможности я вновь перечитываю их. Вы спрашиваете, какие из его произведений произвели на меня самое глубокое впечатление? Ими являются „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Казаки“ и „Смерть Ивана Ильича“. Толстой глубоко и образно описывал жизнь современного ему общества; его язык увлекает своим богатством и красотой. Выведенные им герои настолько реальны, что воспринимаются чуть ли не более зримо и осязаемо, чем люди современного нам общества; мы не только видим их облик, слышим их голоса, но и проникаем в их сознательный и подсознательный духовный мир. И этому непревзойденному искусству мы должны всемерно у него учиться».

Каждый писатель изучает опыт другого по-своему. Порою достижения родственного по духу писателя усваиваются не непосредственно, а через представляемую им литературу в целом. Так, в частности, было в Китае, где художественный метод Толстого часто воспринимался в единстве с творческими принципами Гоголя, Тургенева, Горького и Чехова, т. е. с эстетическими основами всего русского реализма. Об этом, а также о своем собственном «романе» с Толстым рассказывает видный китайский прозаик *Люй Ин*.

«Влияние произведений Толстого на китайскую литературу и театр, — пишет он, — огромно. Эпические творения русской литературы,



Л. ЧУЙ
— 1957 —

ТОЛСТОЙ

Рисунок (тушь) китайского художника Лю-чуй, 1950-е годы

Музей Толстого, Москва

положенные в их основу реалистические принципы внимательно изучаются всеми вдумчивыми и стремящимися к совершенству мастерами китайской литературы. Я как писатель совершенно сознательно принялся за изучение опыта русской литературы двадцать лет назад, когда задумал роман о китайской деревне периода антияпонской войны, о классовой борьбе между крестьянами и помещиками. И первое, что я сделал тогда, — перечитал Толстого. Внимательно взглядевшись в то, как сделаны романы Толстого, я по мере своих скромных сил стремился так же правдиво и живо изображать людей, создавать типические образы в характерной для них среде, рисовать картины сельской жизни воедино с судьбами героев, как это делает Толстой. С тех пор „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Воскресение“ являются не только моими любимыми книгами, но и неисчерпаемыми источниками писательского мастерства.

Один из старейших поэтов Китая, известный переводчик Шекспира на китайский язык Бянь Чжи-линь, воздавая должное Толстому-реалисту, считает, что реакционные элементы в мировоззрении писателя («толстовство») оказали серьезное воздействие на его художественную практику и эстетические взгляды, приглушили многие краски на его палитре, привели к «трагической недооценке Шекспира».

«Я очень высоко ценю Льва Толстого, — пишет Бянь Чжи-линь, — и ставлю его рядом с моим любимым Шекспиром и великим китайским художником Цаю Сюе-цинем (автором романа „Сон в красном тереме“), но считаю, что противоречия в мировоззрении Толстого сказались в его художественном творчестве значительно сильнее, чем об этом принято писать. Благодаря своему глубокому знанию русского общества, Толстой в бесчисленных неповторимых образах запечатлел русскую жизнь, разоблачил и обвинил общественный строй старой России. В то же время его мистические взгляды привели к искажению некоторых образов, к неправильному пониманию истории».

Отвечая на вопрос о влиянии толстовского реализма на китайскую литературу, Бянь Чжи-линь продолжает:

«Художественное творчество Толстого и в первую очередь его романы, несомненно, оказали плодотворное воздействие на развитие китайской литературы, хотя трудно определить, в каких именно произведениях и как оно сказалось. Помню, с каким восторгом они при появлении читались широкими кругами нашей интеллигенции, какие споры они вызывали в среде молодых писателей. Я тоже был тогда молодым поэтом. Впервые я прочитал „Войну и мир“ зимой 1932 г. Я тогда приехал из Пекина в деревню, расположенную близ устья реки Янцзы, и как раз попал туда в период японского нападения на Шанхай. Я прочел в английском переводе этот потрясающий роман, будучи не в силах оторваться от него, и совершенно отчетливо помню, как сильно билось сердце, когда я дочитывал последние страницы. В это время я писал свою первую книгу стихов, и если в них чувствуется влияние Толстого, то оно только в гуманистическом мировосприятии, в стремлении к единению с людьми. Но в произведениях молодых прозаиков того времени это воздействие ощущается более явственно. Я считаю, что молодые писатели Китая должны и впредь учиться у Толстого его гуманизму — уменью ненавидеть зло и любить добро. Они должны учиться у него глубокому проникновению в жизнь, уменью создавать широкие жизненные полотна, литературному стилю, языку, полнокровному, как река Янцзы».

Литературовед и теоретик литературы Цай И посвятил свой ответ рассказу о том, какое значение имело творчество Толстого для китайской интеллигенции на разных этапах национально-освободительной борьбы.

«Романы Толстого, — пишет он, — стали широко известны китайскому читателю в период старой демократической революции, реформ ста дней и

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК».
КИТАЙСКОЕ ИЗДАНИЕ
(ШАНХАЙ, 1950)

Обложка



особенно революции 1925 года. И хотя переводы были тогда неполны, а иногда представляли собой лишь изложение сюжета, тем не менее социальный смысл и мастерство великого художника-реалиста дошли до сердца китайских читателей. Сколько китайских юношей и девушек проливали слезы над судьбами Анны и Катюши, сочувствовали Николеньке Иртеньеву и Нехлюдову! Наши читатели находили в творениях Толстого родственные себе черты.

После „движения 4 мая“ издание классических произведений зарубежных литератур пошло в Китае быстро вперед. К этому времени относятся и новые переводы „Анны Карениной“ и „Воскресения“, которыми зачитывалась интеллигенция.

Особенное значение для демократических читателей Китая в годы антияпонской войны имел перевод „Войны и мира“, поскольку горячий патриотизм и оптимизм, заложенные в этом произведении, служили им поддержкой в борьбе против интервентов.

В Народном Китае Толстой — один из любимых писателей. Сейчас читают его уже миллионы людей. Они черпают в его книгах любовь к своей родине, сочувствие ко всем людям труда, ненависть к врагам человечества. Сочинения Толстого укрепляют нашу дружбу с русским народом, умножают наши силы в борьбе за новую жизнь».

В Китае, как и в других странах, вокруг творчества Толстого разгоралась идейная борьба. В годы становления новой литературы находились люди, которые пытались противопоставить произведения русского писателя молодой революционной литературе Китая. О том, как Лу Синь отбивал эти атаки и боролся за правильное понимание творчества Толстого,

рассказывает известный литературовед, автор капитального труда «История новой литературы» *Чжан Би-лай*:

«В период возникновения „Левой лиги китайских писателей“ Лу Синь дал бой так называемым „людям третьего сорта“ — мелкобуржуазной эстетствующей группе интеллигенции. В целях приближения литературы к народу, Левая лига предприняла тогда издание рассказов и стихов в виде небольших книжек-картинок, книжек-песенок, наподобие тех, которые в свое время Толстой издавал в „Посреднике“. Так называемые „люди третьего сорта“ подняли это предприятие на смех. Они едко иронизировали: „Жиденская литература!“, „В книжке-картинке Толстые и Флоберы не родятся“.

На первый взгляд могло показаться, что эти эстеты отстаивали вечные ценности искусства, на самом же деле они совершенно его не понимали. Противопоставляя монументальные произведения Толстого небольшим по объему, но проникнутым народностью сочинениям молодых китайских писателей, они изображали русского художника человеком, оторванным от своей современности, стоящим над ней. Это была большая ложь. И непримиримый Лу Синь дал им резкую отповедь. „Левой лиге,— писал он,— тоже нужны Толстой и Флобер. Но мы не считаем, что они писали только в расчете на будущие времена и не интересовались своей эпохой. Оба они творили для современности. Будущее вырастает в настоящем; то, что прогрессивно для настоящего, будет иметь значение и в будущем. Если же говорить о Толстом, то следует напомнить, что никто не писал с таким энтузиазмом небольшие рассказы для крестьян на понятном для них языке, как он. Толстого тоже в свое время преследовали „ценители изящного“, однако ничто не могло его заставить отложить перо. Левая лига верит, что в благородном труде на благо народа китайский народ родит своих Микеланджело и Леонардо да Винчи, своего Толстого и своего Флобера“».

Приводя далее примеры воздействия творческого опыта Толстого на лучших китайских писателей, Чжан Би-лай сближает известный роман Мао Дуня «Перед рассветом» с «Войной и миром». Подобно Толстому, собравшему в гостиной Анны Павловны Шерер основных героев романа и уже в первой главе завязавшему все его узлы, Мао Дунь собирает в гостиной дома У Сунь-фу своих будущих героев и тем вводит читателя в атмосферу своей эпопеи. Это сходство Чжан Би-лай считает не случайным. Мао Дунь учился у Толстого композиции своих романов, и это отчетливо прослеживается в его творчестве.

Литературовед и публицист *Ли Цзи-е*, много лет работавший над переводом «Войны и мира», рассказывает:

«Еще в средней школе я познакомился в английском переводе с рассказами Толстого. Написанные с кристальной ясностью рассказы „Много ли человеку земли нужно“ и „Где любовь, там и бог“ произвели на меня огромное впечатление. Я и сейчас считаю народные рассказы Толстого великолепными. Позже мне довелось посмотреть экранизацию „Воскресения“ и прочесть этот роман. Образ главной героини вызвал мое горячее сочувствие, а сила разоблачения и критики старого общества ошеломила меня. Потом я прочитал „Детство“, „Отрочество“, „Казачи“, и эти произведения также показались мне освежающим ветром. Тогда же я задумал перевести их на китайский язык.

В период войны против японского империализма я взялся за перевод „Войны и мира“. Живя в Тяньцзине и Пекине, я более четырех с половиной лет работал над текстом романа, одновременно нанимаясь на тяжелую физическую работу, чтобы прокормиться. Но перевод никогда не обременял меня. Воспроизводя главу за главой, я все время жил в светлой атмосфере романа, дышал его воздухом. Вместе с тем героическая борьба

русского народа с агрессором, его патриотизм, описанные в „Войне и мире“, были для меня огромным моральным подспорьем. Меня не покидало ощущение, что у наших народов одна историческая судьба. Переводить Толстого нелегко, но это — большая радость».

Крупнейший переводчик Толстого *Гао Чжи*, уже переведший все его крупнейшие произведения и ныне работающий над переводами всех остальных сочинений русского писателя для издания полного собрания их на китайском языке, воссоздает историю знакомства китайских читателей с наследием Толстого.

Первыми в Китае появились в 1907 г. толстовские «народные рассказы», переведенные с немецкого языка миссионером Е Дао-шэнем. За ними вскоре последовали (в переводах с английского и японского языков) «Кавказский пленник» (1910), «Дьявол» (под заголовком «Грань человека и дьявола», 1911), «Крейцера соната» (под названием «Страсть и ненависть», 1911) и другие повести и рассказы. В 1914 г. под названием «Сердце в плену» появился первый перевод «Воскресения», а в 1917 г. — «Анна Каренина» (оба в сокращенных и весьма несовершенных переводах).

В годы «движения 4 мая» над изданиями сочинений русских писателей в Китае работали Лу Синь и Цюй Цю-бо. Позднее, в 1931 г., за перевод «Войны и мира» (с японского языка) взялся Го Мо-жо, однако ему удалось издать только первые два тома романа.

С победой народно-демократического строя в Китае переводы произведений русской литературы, в том числе Толстого, возросли во много раз. Лишь за первое десятилетие существования Китайской Народной Республики было переведено и издано около пятидесяти произведений Толстого, в том числе и все его романы, повести и пьесы.

Касааясь качества переводов Толстого на китайский язык, Гао Чжи отмечает, что многие из них еще не вполне совершенны.

«И несмотря на это, — завершает Гао Чжи свой рассказ, — китайский читатель уже сейчас имеет превосходные переводы Толстого, которые и по своему духу и по близости к подлиннику являются большим достижением китайской культуры».

* * *

Как известно, воздействие одного писателя на другого и тем более одной литературы на другую — процесс чрезвычайно сложный, нелегко прослеживаемый. С реализмом Толстого связывают в Китае и обличительный пафос Лу Синя, и эпическое искусство Мао Дуня, и глубокий психологизм Ба Цзиня и Лао Шэ. Делается — в том числе и самими китайскими писателями — множество других сближений, касающихся отдельных тем, проблем, образов и приемов. Вероятно, не все эти сближения обоснованы и правомерны, поскольку китайская литература опирается прежде всего на свои богатейшие традиции; к тому же в Китае имеются большие самобытные художники, вносящие свой собственный вклад в художественную сокровищницу мировой литературы.

Однако то, что художественное наследие автора «Войны и мира» воспринимается в Китае как живое явление, активно воздействующее на современную жизнь, — факт несомненный. И это в полной мере подтвердили китайские писатели в своих ответах на анкету Музея Толстого.